

Закончив культивацию, Чу Синлань немного прогулялся поблизости. Увидев золотую статую, которая своей безвкусицей совершенно не вписывалась в окружение, он не удержался и снова принялся её рассматривать.

Каждый новый взгляд поражал его всё сильнее.

Он и представить не мог, что в мире культивации найдётся человек с настолько своеобразным вкусом. Безвкусица здесь была возведена в собственный уникальный стиль.

— Этот павлин — мой отец. Когда я унаследую секту, рано или поздно снесу эту дрянь, — услышав комментарий Чу Синланя, Мин Сиюэ подошёл ближе. Юноша в красном был полностью с ним согласен. — Глазам больно. Просто невыносимо.

Многие почётные гости, впервые увидев эту вещь, хотели что-то сказать, но в конце концов промалчивали. Мин Сиюэ много раз стыдился и уговаривал отца убрать статую, но тот всякий раз отказывался. Более того, Люй Чанцзэ даже хотел поставить рядом золотые статуи Мин Сиюэ и его матери.

Чтобы все могли любоваться счастливым единством их семьи из трёх человек.

В итоге мать и сын совместно избили его, и только тогда затея окончательно умерла.

— Почему же тогда один из вас Люй, а другой Мин?

Чу Синлань никогда не расспрашивал Мин Сиюэ о семье. Его родители развелись?

Мин Сиюэ объяснил:

— Глава секты Тяньянь Мин Чжаньсянь — моя мать. Мне нравится фамилия Мин, поэтому я взял её. Красиво же звучит.

Глава секты Тяньянь Мин Чжаньсянь была могущественной и чрезвычайно красивой культиваторшей. В своё время очередь желающих добиться её руки могла бы трижды обойти весь мир культивации. Соперники рвали друг другу волосы и устраивали настоящие побоища.

Люй Чанцзэ провёл целую серию хитрых операций и в конце концов сумел возвыситься благодаря сыну. Он постоянно твердил всем, что у него есть законный старший наследник, и этим каким-то образом победил целую толпу соперников. С тех пор супруги долгие годы жили в любви и согласии.

В детстве Мин Сиюэ большую часть времени проводил в секте Тяньянь и культивировал под руководством матери. Позже из-за особенностей духовных корней сменил направление и

перешёл в Хэхуань. Техники обеих школ он давно смешал и освоил без противоречий.

Поскольку с детства он находился под влиянием Тяньяня, его взгляды на отношения и жизненные принципы совершенно не сочетались с привычками секты Хэхуань.

Мин Сиюэ был сторонником чистой, единственной любви.

Ему неинтересно было находить толпу партнёров ради парной культивации. Он хотел, как его любящие родители, встретить одного человека, с которым чувства будут взаимными, и прожить вместе всю жизнь.

Именно поэтому в Хэхуань он до сих пор так и не сумел нормально «выпуститься» и оставался самым отстающим учеником всей секты.

Результаты легко проверить: с рождения и до нынешнего дня — ни единого романа.

Все культиваторы, которые намеренно сближались с ним, желали лишь воспользоваться техникой парной культивации, способной резко поднять их уровень. Искренних чувств там не было, и Мин Сиюэ такое не устраивало.

Отойдите! Карьеристы, которым нужна только парная культивация ради вознесения!

Впервые он по-настоящему полюбил кого-то на долгие годы — и тот оказался мужчиной.

Любовный путь Мин Сиюэ был тернист.

— Теперь понятно, почему я наврал, что у меня есть возлюбленный, а ты всё равно бесстыдно продолжал строить козни за спиной. Оказывается, это семейное искусство, — Чу Синлань наконец всё понял. Манеры Мин Сиюэ имели корни: он просто вырос, наблюдая за отцом. — Жаль только, тебе достался такой мастер женских переодеваний, как я. Дао-партнёра у тебя больше нет.

Один выбирал совершенно неправильные методы ухода, другой оказался совершенно неправильного пола — так из цепочки нелепых совпадений выросла целая гора проблем.

Чу Синлань внезапно почувствовал себя глубоко виноватым. Переодеваться в женщину было весело, но заодно он невольно испортил жизнь невинному юноше.

Мин Сиюэ достал из кольца хранения нефритовую подвеску и протянул Чу Синланю.

— Хорошо, что понимаешь. Вот, возьми.

Но разве во всём можно было винить Чу Синланя?

Виноват он сам — глаза есть, а мужчину от женщины не отличил.

— Что это?

Чу Синлань взял нефритовую подвеску с символом секты Тяньянь. В руке она ощущалась как горячая картофелина. Он не понимал, стоит ли принимать вещь: вдруг это новая ловушка.

— Жетон секты Тяньянь. Ты ведь хотел снова найти наставника и начать культивировать? Покажешь его — и там не будут создавать тебе трудностей. Иначе ни одна секта тебя не возьмёт, останется только стать странствующим культиватором.

Большинство крупных сект принимало учеников лишь до определённого возраста. Если Чу Синлань не останется в Хэхуань, ему действительно придётся начинать заново как одиночке.

Без семейного наследия или великой удачи странствующему культиватору почти невозможно догнать тех, кого поддерживает вся секта. О вознесении и говорить нечего.

А по Чу Синланю было видно: он скорее уйдёт странствовать в одиночку, чем останется в Хэхуань.

К тому же секта Линсяо уже объявила: кто возьмёт его учеником, тот станет врагом Линсяо. Сколько школ захотят ради калеки без Золотого ядра ссориться с целой сектой?

Но Тяньянь была совсем другим делом.

Они успели оскорбить столько людей и сект, что давно сбились со счёта. Если бы их пугала такая пустая угроза, они не назывались бы Тяньянем.

Секта Тяньянь входила в тройку крупнейших школ нынешнего мира культивации. Едва прибыв в этот мир, Чу Синлань уже слышал о них множество историй.

Сильные, немногословные: вместо пустых разговоров сразу идут бить, убеждают кулаками и оружием, а своих защищают до последнего.

Они никогда не отступали. Среди них даже находились любители идти необычным путём и нарочно провоцировать конфликты.

То, что секту до сих пор не уничтожили, объяснялось только двумя вещами: учеников брали очень много, а кулаки у них были достаточно тяжёлыми.

Чу Синлань погладил нефритовый жетон пальцами.

— Раньше ты терпеть не мог меня, своего соперника. Почему внезапно стал таким добрым? Неужели и правда влюбился в мой женский образ?

Неужели он действительно настолько успешно переодевался, что этот парень потерял голову?

Вот это я даю!

Мин Сиюэ вскинул бровь:

— Размечтался. Ничего подобного быть не может.

— Тогда зачем ты меня спас, зачем столько всего даришь? Если не влюбился, то что — занимаешься помощью бедным? — Чу Синлань подозрительно смотрел на него. — Никогда не слышал, чтобы у тебя было хобби творить добро и накапливать заслуги.

В историях о Мин Сиюэ обычно фигурировали совсем другие поступки, не слишком добродетельные.

Он что, решил исправиться? Или его тело кто-то занял?

Мин Сиюэ и сам не понимал, что именно думает. Он тоже чувствовал растерянность. Просто хотел поступить именно так.

Хочется — значит делает. Зачем обязательно искать великие причины?

— Ты раньше не раз мне помогал. Я же не неблагодарная тварь. Просто возвращаю долг, — Мин Сиюэ холодно фыркнул, но говорил немного неестественно. — Считаю, что я глупый богач, которому внезапно захотелось сделать добро. Не думай лишнего.

По мнению самого Мин Сиюэ, он лишь не хотел оставаться в долгу.

Мало того что тогда не узнал своего спасителя, так ещё несколько раз специально третирует его как соперника в любви.

Стоило вспомнить — и ночью уснуть невозможно.

Под воздействием таких сладких подарков Чу Синлань начал смотреть на Мин Сиюэ всё благосклоннее. Он широко улыбнулся и похвалил:

— Ладно-ладно. Великий благотворитель.

Слыша похвалу, Мин Сиюэ внутри довольно расцвёл.

— Но этот жетон выдаётся по семейной рекомендательной квоте, поэтому есть условие.

У Чу Синланя мгновенно возникло дурное предчувствие. Очень скоро оно оправдалось.

— На людях нам придётся немного изображать дао-партнёров. Я не против слегка пожертвовать собой. Мне всё равно. Если тебе стыдно — забудь.

Стоило это услышать, как Чу Синлань моментально возмутился. Мин Сиюэ может, а он что — хуже?!

— Раз ты можешь, то и я могу.

Он умел и согнуться, и распрямиться. Какая-то фиктивная связь дао-партнёров вообще не проблема.

Мин Сиюэ не боится — с какой стати ему бояться?

В таких вопросах люди соревнуются именно упрямством и гордостью.

Мин Сиюэ очевидно был натуралом. Чу Синлань не понимал, что на него нашло и почему он внезапно раздаёт добро, но совершенно точно тот не мог внезапно изменить ориентацию.

Подумав об этом, Чу Синлань наконец расслабился.

— Хороший брат! Раньше я был неправ. С этого дня ты мой родной брат, рождённый от совершенно других отца и матери! Когда однажды тебе понравится какая-нибудь девушка, я обязательно помогу тебе её добиться!

Таких богатых благодетелей ещё поискать. Как же он раньше был слеп, раз не заметил рядом настолько щедрого молодого господина.

Мин Сиюэ внезапно почувствовал, что обращение «хороший брат» почему-то режет слух. Совсем не приятно.

— М-м. Хороший брат.

Фу, какое мерзкое обращение. Словно существует другое, гораздо более приятное.

Чу Синлань некоторое время жил в Хэхуань, не интересуясь ничем за пределами секты, и потому совершенно не знал, во что успели превратиться слухи о них.

К тому моменту, когда сплетни дошли до его прежней секты Линсяо, существовало уже несколько десятков версий — каждая взрывоопаснее предыдущей.

<http://bllate.org/book/20989/2161502>